

Я видел Предводителя кроликов.

*У. де ла Мар*

*Джульет и Розамунде в память  
о дороге на Стратфорд-он-Эйвон*

## Благодарности

Я с огромным удовольствием благодарю за помощь не только мою семью, но и моих друзей Рега Сона и Хала Саммерса и их семейства, которые прочли книгу до публикации и сделали полезные критические замечания.

Я также хочу от души сказать спасибо миссис Маргарет Эппс и мисс Мириам Хоббс, которые взвалили на свои плечи все трудности по набору рукописи и помогали мне во всем.

Я в неоплатном долгу перед мистером Р. М. Локли за сведения о кроликах и их поведении, почерпнутые мной в его замечательной книге «Частная жизнь кролика». Каждый, кто хочет получить дополнительную информацию о миграции годовалых особей, о подборочной железе, о жевательных гранулах, о том, что происходит при перенаселении участков, где водятся кролики, о рассасывании уже оплодотворенных эмбрионов, о способности самцов кроликов сражаться с горностаями и о прочих особенностях жизни длинноухих, должен прочитать эту великолепную книгу.

## Замечания

Ферма «Орешник» действительно существует, как и все остальные места, описанные в книге. Но мистер и миссис Кейн, их маленькая дочь Люси и люди, работавшие на ферме, — персонажи вымышленные, и я не собирался делать их похожими на живых или уже ушедших из жизни людей, которых когда-либо знал.

*Часть первая*

# ***Путешествие***

# 1

## Доска с объявлением

Хор: Что вздох твой значит? Что смутило мысль твою?

Кассандра: Пахнуло духом свежей крови пролитой...

Хор: То запах жертв. И туков дым, и ладана.

Кассандра: Не похороны ль в доме? Фимиам и тлен.

*Эсхил. Агамемнон.  
Перевод Вяч. Иванова*

Примулы отцвели. И до самой границы леса, где начинался открытый луг, который полого спускался вниз до заросшего куманикой рва возле старой изгороди, только несколько выцветших их островков все еще желтели среди пролесника и меж корнями дубов. Дальше за изгородью вся верхняя часть луга была изрыта кроличьими норами. В траве зияли проплешины и виднелись кучки сухого помета, после которого растет только крестовник. Внизу под склоном, примерно в ста ярдах, бежал узкий — шириной фута три, не больше, — ручей, заросший калужницей, водяным крессом и голубой вероникой. Проселочная дорога, перебравшись через кирпичный мостик, бежала дальше на соседний холм и упиралась в ворота из пяти старых темных жердин, стоявшие в живой изгороди из колючего кустарника. Дальше от ворот в глубину уходила протоптанная тропа.

Майское солнце садилось в багровых тучах, но до сумерек оставалось еще около получаса. Склон весь был усеян кроликами. Одни щипали жиденькую траву, не отходя от норы, другие бежали вниз по склону к ручью искать одуванчики или, если повезет, пер-

воцвет. Кролики-сторожа сидели на муравейниках и, наострив уши и держа нос по ветру, наблюдали за округой. Но дрозды на опушках пели спокойно, давая знать, что в лесу никого нет, а поля за ручьем прекрасно просматривались, и там тоже было спокойно и пусто.

Несколько нор, еле заметных сквозь заросли куманики, расположились на самой вершине склона, у дикой вишни, где на ветке пел дрозд. На пороге одной из нор, в зеленоватом сумраке, сидели бок о бок два кролика. Кролик побольше, собравшись наконец с духом, помчался вниз под прикрытием куманики — по склону, через ров и дальше в поле. Немного погодя за ним последовал второй.

Первый кролик остановился на солнечном пятнышке и принялся быстро-быстро чесать задней ногой за ухом. Хотя от роду ему был год и он еще не набрал взрослого веса, смотрел он прямо, и в глазах у него не было той вечной тревоги, выдающей «задворника», у которого нет ни аристократических предков, ни выдающегося роста, ни могучей силы. Рядовые кролики-первогодки всегда живут, как могут, на задворках, стараясь быть незаметными для старших, и у большинства нет даже нор. Но этот, судя по виду, умел о себе позаботиться. И когда он, начесавшись, принялся тереть передними лапками нос, взгляд у него был сметливый и жизнерадостный. Потом, довольный, кролик прижал уши к спине и принялся за траву.

Второй, похоже, был не так уверен в себе. Маленький, с большими внимательными глазами, он постоянно вскидывал голову, озирался, но в этих его движениях сквозил не столько страх, сколько всегдашняя настороженность. Нос непрерывно двигался, а когда у него за спиной из цветущего чертополоха с жужжанием вылетел шмель, кролик так подпрыгнул на месте, что два приятеля, пасшиеся неподалеку, со всех ног кинулись к норам, но один, черноухий, оглянувшись, узнал прыгуна и вернулся, снова принявшись за еду.

— А-а, — сказал черноухий, — опять этот Пятик от мух шарахается. Так о чем ты там говорил, Алтайка?

— Пятик? — переспросил второй кролик. — Это еще что за имя?

— «Маленький пятый». Видишь ли, он родился в помете последним и был самым маленьким. Те, кто с ним знаком, его штучкам не удивляются. А я так думаю, что лиса на него не позарится, а человек вообще не заметит. И уж кто-кто, а этот *Пятик*<sup>1</sup> себе укромное местечко всегда найдет — это точно!

Маленький кролик тем временем приблизился к первому, высоко подбрасывая длинные задние ноги.

— Давай-ка уйдем отсюда, — сказал он. — Понимаешь, Орех, мне сегодня весь вечер мерещится, будто что-то не так, но не пойму, в чем дело. Давай лучше сбегает к ручью?

— Ладно, — согласился Орех, — а ты найдешь мне там первоцвет. Если уж ты не найдешь, то, значит, и никто не сможет.

И он первым помчался по склону, а за ним понеслась его длинная тень. Добежав до ручья, кролики зановали по обочине дороги в поисках хорошей травы.

Пятик довольно быстро нашел что искал. Кролики любят первоцветы, и обычно в тех местах, где есть хоть несколько кроличьих нор, к концу мая их не остается. Пятик нашел кустик, почти скрытый высокой травой, с еще не распустившимся бутоном. Но не успели они приняться за листья, как тут их заметили двое старших, подбежавших с другой стороны луга, от коровьего брода.

---

<sup>1</sup> Кролики умеют считать только до четырех. Все, что больше четырех, — храйр, т. е. много, или Тысяча. Так, словом «У-храйр» (Тысяча) они объединяют всех своих врагов, или элилей: лису, горностаю, ласку, кошку, сову, человека и пр. Когда Пятик родился, наверное, крольчат было больше пяти, поэтому его имя Храйру означает «Маленькая тысяча», т. е. малыш из числа многих, или «коротышка», «пятик» (так кролики называют и поросят). (Примеч. автора.)



— Нашли первоцвет? — поинтересовался один. — Молодцы, отойдите в сторону. Ну-ка, ну-ка, быстро, — добавил он, когда Пятик замешкался в нерешительности. — Ты что, не слышал?

— Ленок, это Пятик его нашел, — сказал Орех.

— А мы съедим, — заявил Ленок. — Все первоцветы отдавать аусле, ты что, никогда не слышал? Если нет — мы живо объясним, что к чему<sup>1</sup>.

Пятик помчался прочь. Орех догнал его у канавы.

— Сыт я по горло, — заявил он. — Всегда одно и то же. «У кого когти, тому и первоцвет». «У кого зубы, тому и нора». Знаешь, если я когда-нибудь попаду в ауслу, то буду относиться к задворникам все же помягче.

— Тебе-то хоть надеяться можно, что ты когда-нибудь туда попадешь, — откликнулся Пятик. — Вон ты как потолстел. А мне и мечтать нечего.

— Ты же знаешь, я тебя одного не брошу, — сказал Орех. — По правде говоря, иногда хочется сбегать. Ну да ладно, давай-ка плюнем на все и попробуем поднять себе настроение. Может, сгоняем за ручей? Наши туда почти не бегают — отдохнем немного. Если, конечно, ты думаешь, что там не опасно, — добавил он.

Они вели разговор так, что любому было понятно, кто из них самый умный.

— Нет, там неопасно, — ответил Пятик. — Я предупрежу, если вдруг почую неладное. Но похоже, там

---

<sup>1</sup> Почти в каждом кроличьем городке есть аусла — группа, куда попадают сильные, умные кролики, не моложе двух лет, которые входят в свиту старшины и его супруги и управляют остальными. Ауслы бывают разные. В одних поселениях — это военный штаб; в других — в нее входят в основном опытные стражи и специалисты по садовым налетам. Иногда в ауслу попадают хорошие рассказчики, предсказатели или просто очень чувствительные личности. В Сэндлфордском городке аусла в те времена была скорее военизированной (но, как станет ясно позднее, не самой воинственной). (Примеч. автора.)

не опасность, а что-то... другое. Это... не знаю... что-то большое, как гроза: не знаю, что это. Но туда все равно можно.

Они перепрыгнули на другой берег. Трава вдоль ручья была густой и влажной, и они побежали вверх поискать местечко посуше. Солнце садилось у них за спиной, по склону уже побежали тени, и Орех, которому очень хотелось найти теплый солнечный пяточок, добежал почти до самых ворот. Там он остановился и вытаращил глаза.

— Что это, Пятик? Смотри!

Всего в нескольких шагах от них площадка была разворочена. На траве высились две земляные кучи. Над изгородью возвышались, словно священные деревья, два столба с прибитой доской, от которых несло краской и креозотом и тянулась длинная тень. Рядом с одним столбом валялись забытый молоток и несколько гвоздей.

Высоко подпрыгивая, кролики подскакали к столбам и спрятались в кустах крапивы, морщась от запаха брошенного неподалеку сигаретного окурка. Вдруг Пятик испуганно задрожал.

— Орех! Это шло отсюда! Я понял... это что-то очень плохое! Что-то ужасное... и совсем близко. — Он захныкал от страха.

— Что? Что ты имеешь в виду? Ты, кажется, говорил, что тут все в порядке.

— Я не знаю что, — ответил Пятик с несчастным видом. — Тут-то спокойно. Но опасность... Она исходит отсюда... Да, отсюда. Орех! Посмотри! Все поле в крови!

— Не валяй дурака, Пятик, это просто отсветы заката. И хватит, перестань, мне и так уже страшно!

Пятик в крапиве дрожал и плакал, а Орех, пытаясь привести в чувство брата, никак не мог взять в толк, в чем дело. Если бы страшное было на этом берегу, то почему Пятик, как всякий благоразумный кролик, не спешит удрать в безопасное место? Но тот ничего

не мог объяснить, а лишь становился несчастней и несчастней. Наконец Орех сказал:

— Пятик, ну не сидеть же тут и плакать. В конце концов, скоро стемнеет. Пора домой.

— Домой? — прохныкал Пятик. — И не думай, там еще хуже! Говорю же тебе, все поле в крови...

— Ну хватит, — твердо сказал Орех. — Теперь решать буду я. Беда бедой, а пора возвращаться.

И он помчался вниз, через ручей, к коровьему броду. Беспомощный Пятик, так и не сумевший объяснить брату, чего он испугался посреди спокойного летнего вечера, скованный страхом, не сразу бросился догонять Ореха. Дома, куда он все же вернулся вслед за братом, не хотел входить в нору, и Ореху пришлось втолкнуть его чуть ли не силой.

За вершиной противоположного склона село солнце. Подул холодный ветер, посыпался дождь, и меньше чем через час окончательно стемнело.

Все краски в небе погасли, а большая доска у ворот слегка поскрипывала от ночного ветра (будто бы говоря, что она не растаяла в потемках, а крепко держится там, куда ее приколотили), хотя некому было прочесть четкие буквы, врезавшиеся в белую древесину, как черные ножи. Буквы гласили:

ИДЕАЛЬНЫЙ УЧАСТОК ДЛЯ ПОМЕСТЬЯ.  
ШЕСТЬ АКРОВ.  
ВЕЛИКОЛЕПНАЯ СТРОИТЕЛЬНАЯ ПЛОЩАДКА.  
РАЗРАБОТКА ПРОЕКТА ЖИЛЫХ ЗДАНИЙ  
ЭКСТРА-КЛАССА.  
ФИРМА «САТЧ И МАРТИН, ЛИМИТЕД»,  
НЬЮБЕРИ, БЕРКШ.

## Старшина

Правитель мрачный, чей удел тяжел,  
Как сырость ночи, павшая на дол,  
Скорее полз, чем шел...

*Г. Возн. Вселенная.  
Перевод Д. Щедровицкого*

В тепле и темноте Орех неожиданно проснулся оттого, что пинал кого-то задними лапами. Кто-то на него наседал. Не пахло ни хорьком, ни лаской. Инстинкт не подсказывал бежать. Орех быстро пришел в себя и тут сообразил, что в норе их только двое — он да Пятик. И это именно Пятик, царапаясь и цепляясь, в страхе пытается перелезть через него, будто через ограду.

— Пятик! Пятик, да проснись ты, балбес! Это же я, Орех. Ты меня исцарапаешь. Проснись!

Орех стряхнул с себя Пятика. Тот забил в воздухе лапами и проснулся.

— Ох, Орех! Ой, что мне приснилось! Кошмар! Ты тоже приснился. Мы сидели в воде или на воде и плыли вниз по большой глубокой реке, а потом я сообразил, что мы плывем на доске, такой, как та, что видели в поле, только белой с черными полосками. Плыли мы не одни, и все прыгали и веселились. А затем я посмотрел под ноги и увидел, что доска эта из костей, обвязанных проволокой, и закричал, а ты сказал: «Поплыли! Поплыли все!» — а потом я искал тебя и хотел вытащить из какой-то дыры, а ты заявил: «Идет один старшина» — и уплыл в темный водяной тоннель.

— Бок, во всяком случае, ты мне расцарапал. «Водяной тоннель» — надо же! Чушь какая! Может, все-таки дашь мне поспать?

— Орех, беда! Дело дрянь. «Это» не ушло. Оно где-то здесь... рядом. И не уговаривай меня. Надо уходить, пока не поздно.

— Уходить? Ты хочешь сказать: уходить отсюда? Из нашего городка?

— Да. И побыстрее. Не важно куда.

— Вдвоем?

— Нет, нам всем.

— Всем? Не валяй дурака. Никто и с места не двинется. Решат, что ты просто спятил.

— Пусть решат, но мы должны пойти к старшине, можешь сам ему все рассказать. Или я. Вряд ли, конечно, он будет в восторге.

Орех первым побежал вниз по склону, потом снова вверх, туда, где темнел куманичный полог. Верить Пятику он не хотел, а не верить боялся.

Было чуть позже ни-Фрита, то есть полудня. Почти все кролики спрятались в норах и спали. Пробежав немного поверху, Орех и Пятик нырнули в широкий открытый ход, прорытый под песчаной проплешиной, выскочили с другой стороны и дальше помчались замысловатыми петлями, пока не углубились в лес футов на тридцать и не оказались меж дубовых корней. Там их остановил крупный, грузный гвардеец из ауслы. Шерсть у него смешно нависала над глазами, что придавало ему забавный вид, будто он был в шлеме. За это его и прозвали Тлайли, что означает Мохнатая Шапка, или, как еще можно сказать, Шишак.

— Орех? — произнес Шишак, принюхиваясь к нему в глубоких сумерках, стоявших под деревьями. — Тебя ведь зовут Орех, да? Что тебе здесь понадобилось? Да еще в такое время? — На Пятика, который ждал в стороне, он внимания не обратил.

— Нам нужно увидеть старшину, — заявил Орех. — Дело важное. Помогите, пожалуйста.



— «Нам»? — удивился Шишак. — *Он* что, тоже идет к старшине?

— Так надо. Поверь, Шишак. Я ведь не каждый же день прихожу сюда вот так «поболтать». Разве я когда-нибудь спрашивал разрешения увидеться с ним?

— Что ж, сделаю это для тебя, хотя наверняка получу по макушке. Скажу, что ты научился предсказывать. Он, конечно, и сам тебя знает, да вдруг по старости запамятовал. Подожди тут, понятно?

Шишак пробежал вперед по тропинке и остановился у входа в большую нору. Он что-то сказал — что именно, Орех не расслышал, — а потом его, наверное, позвали внутрь. Два брата остались ждать в тишине, которую нарушало лишь нервное ерзанье Пятика.

Старшину, согласно обычаю, звали Треарах, что означает Господин Рябинового Дерева. По какой-то причине иногда его называли еще и Тот Самый Треарах, может быть, потому — так уж вышло, — что рядом с городком рос только один треар — рябиновое дерево. Старшиной Треарах стал еще в молодости. Он и в те времена был не только силен, но и рассудителен, тверд и уравновешен, чем очень отличался от большинства кроликов, которые частенько действуют по настроению. Все прекрасно знали, что Треарах никогда не теряет головы и его не пугают ни слухи, ни настоящая опасность. Он хладнокровно — а злые языки поговаривали даже, что «холодно», — вел себя во время обрушившегося на городок миксоматоза, выдворив из городка каждого, кого посчитал больным. Тогда Треарах избежал всеобщего переселения, обеспечив полную изоляцию племени, и таким образом почти наверняка его спас. Именно Треарах справился однажды с одним необыкновенно назойливым горностаем, которого с риском для жизни увел к птичнику, где его и пристрелил фермер. Теперь Треарах, как и сказал гвардеец, постарел, но ум у него оставался достаточно ясным. Когда Ореха и Пятика впустили внутрь, стар-

шина встретил их вежливо. Это гвардейцы из ауслы, вроде Ленка, могли нагрубить или испугать. А Тот Самый Треарах умел обходиться и без этого.

— А-а, Фундук. Ты ведь Фундук, верно?

— Орех, — ответил Орех.

— Орех, да-да, конечно. Орех. Как это мило с твоей стороны зайти в гости к старику. Я хорошо знал твою мать. А твой приятель...

— Это мой брат.

— Твой брат... — повторил за ним Треарах, и Орех услышал в голосе легкое предупреждение: «Не нужно больше меня исправлять, понял?» — Располагайтесь поудобнее. Не хотите ли немного салата?

Салат для старшины ребята из ауслы таскали с огорода, который был за полем, в полумиле от их городка. Задворники салат видели редко, кое-кто и вовсе никогда. Орех взял маленький листик и вежливо куснул, а Пятик отказался и сел с несчастным видом, хлопая ушами и глазами.

— Вот теперь можно и поговорить. Как ваши дела? — спросил старшина. — Чем могу быть полезен?

— Сэр, — довольно неуверенно начал Орех, — это все мой брат Пятик. Он всегда чувствует, если что-то неладно, и каждый раз оказывается прав. Вот, например, прошлой осенью он заранее знал, что нас затопит, а иногда заранее знает, где проволока. А сейчас он говорит, что нас ждет большая беда. Нас всех, весь городок.

— Большая беда? Что ж, понятно. Какая жалость, — произнес Треарах, но вид у него при этом был несколько не огорченный. — А что за беда, интересно знать? — Он посмотрел на Пятика.

— Не знаю, — ответил Пятик. — О-очень большая беда. Т-так-кая б-большая! — Он замолчал, вконец потерявшись.

Треарах несколько минут вежливо подождал, а потом спросил:

— Ну и что же нам делать, хотел бы я знать?

— Уходить, — твердо сказал Пятик. — Уходить. Всем. Немедленно. Сэр Треарах, мы должны уйти. Все.

Треарах помолчал. А потом, обращаясь к Пятику, произнес на редкость проникновенным голосом:

— Мне никогда не приходилось переселять все племя. Это непростая задача. Как сам-то думаешь?

— Сэр, — начал Орех, — дело в том, что мой брат не умеет объяснять свои чувства. Он просто чувствует, и всё. Может быть, я непонятно говорю. Но вы наверняка разберетесь, что нам делать.

— Что ж, очень мило с твоей стороны. Надеюсь, так оно и есть. А теперь, дорогие мои, давайте минуточку порассуждаем вместе. Согласны? Сейчас у нас май. Так? Все заняты рытьем нор, все наслаждаются жизнью. Вокруг, на целые мили во все стороны, нет врагов, по крайней мере, насколько известно мне. Все здоровы, погода хорошая. И вы хотите, чтобы я сказал всему племени, что этот юный... э-э... юный... э-э... что у твоего юного брата предчувствие и что все мы должны сорваться с места и бежать куда-то — бог знает куда, — рискуя навлечь на себя всевозможные бедствия? Как вы думаете, что мне на это скажут? Все ведь обрадуются? Правда?

— Вам они не посмеют перечить, — неожиданно заявил Пятик.

— Очень любезно с твоей стороны, — снова сказал Треарах. — Что ж, может, не посмеют, а может, и посмеют. В любом случае мне нужно все как следует обдумать. Это, безусловно, чрезвычайно серьезный шаг. И кроме того...

— Но, сэр Треарах, у нас нет времени, — пробормотал Пятик. — Я чувствую опасность. Она как проволока на шее... как проволока... Орех! — пронзительно вскрикнул он, упал на песок и забился, словно в силках.

Орех прижал его к полу передними лапами, и Пятик затих.



— Прошу прощения, старшина, — сказал Орех. — Иногда с ним такое случается. Через минуту он будет в порядке.

— Какой стыд! Какой стыд! Бедняга, ему, наверное, лучше пойти домой да привести себя в порядок. Вот именно. Отведи-ка его домой немедленно. Что ж, чрезвычайно любезно с твоей стороны, Фундук, зайти в гости. Очень тронут. Я обдумаю твои слова, будь уверен. Шишак, ты не мог бы задержаться на минутку?

Расстроенные Пятик с Орехом бежали по тропинке назад, а из норы доносился набравший теперь резкость голос Треараха и отрывистые «да, сэ» и «нет, сэ».

«Предчувствие» Шишака оправдалось — он получил по макушке.

## Орех принимает решение

Чего это я разлегся?.. Мы спим, как будто позво-  
тельно предаваться покою... А я?.. Неужели я сам  
не достиг еще подходящего возраста?

*Ксенофонт. Анабасис.  
Перевод М. И. Максимовой*

— Дело в том, Орех, что ты сам не верил, будто стар-  
шина нас послушает. Ведь не верил? Чего же ты тогда  
от него хотел?

Снова наступил вечер, и Орех с Пятиком и еще два  
их приятеля щипали траву в лесу. Черничка, кролик  
с черными пятнышками на кончиках ушей, тот самый,  
которого накануне испугал Пятик, внимательно вы-  
слушал рассказ Ореха о доске на столбах и сказал, что,  
по его мнению, люди оставляют такие штуки — вроде  
знаков или посланий — так же, как кролики, когда  
нужно отметить тропинку или дырку в ограде. Второ-  
го кролика звали Одуванчик, и это он завел разговор  
о Треарахе и страхах Пятика.

— Да не знаю я, на что надеялся, — сказал Орех. —  
Я никогда раньше даже близко к нему не подходил.  
Но тут я подумал: «Пусть. Пусть он вообще не захочет  
нас выслушать, но, по крайней мере, никто потом не  
сможет сказать, будто мы не сделали все, что в наших  
силах, и никого не предупредили».

— Тогда, значит, ты и в самом деле думаешь, что  
нам надо чего-то опасаться?

— Уверен. Я, видишь ли, хорошо знаю Пятика.

Черничка открыл было рот, чтобы ответить, но тут  
из густого подлеска выскочил еще один кролик и с шу-  
мом свалился в яму под куманикой. Это был Шишак.

— Привет, Шишак, — поздоровался Орех. — Сдал дежурство?

— Сдал, — ответил Шишак, — и, похоже, навсегда.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ушел я из ауслы, вот что.

— Не из-за нас ли?

— Может, и из-за вас. Треарах, если его будят после ни-Фрита, может очень даже выйти из себя, особенно когда думает, что разбудили из-за пустяка. И он отлично знает, кого и как задеть за живое. Я знаю немало кроликов, кто жил бы себе спокойненько да думал, как не потерять места «правой лапы» старшины, но, боюсь, для меня это слишком большая честь. И я сказал себе: «Мне наплевать на привилегии ауслы, настоящий кролик сам сумеет добыть себе все, что нужно для жизни». Треарах сказал, чтобы я сначала подумал, а я думаю, с меня хватит, я ухожу. Никогда не считал, что таскать салат да стоять возле его норы на карауле — цель всей моей жизни. Так что настроение, я бы сказал, у меня прекрасное.

— Скоро здесь никто не будет таскать салат, — спокойно произнес Пятик.

— А-а, это ты, Пятик? — Шишак впервые обратил на него внимание. — Вот и отлично. Я как раз шел на тебя посмотреть. Я все размышлял о том, что ты сказал. Слушай, а ты, часом, не решил всех нас разыграть, чтобы прославиться? Или ты серьезно?

— Я серьезно, — ответил Пятик. — Хотел бы я, чтобы это оказалось шуткой.

— Значит, вы уходите?

Прямота Шишака ошеломила всех. Одуванчик пробормотал:

— Уходим? О Фритрах!

А Черничка шевельнул ушами и очень внимательно посмотрел сначала на Шишака, потом на Ореха.

— Мы с Пятиком уходим сегодня ночью, — подумав, сообщил Орех. — Не знаю точно куда, но если кто хочет, может к нам присоединиться.

— Отлично, — отозвался Шишак, — тогда я с вами.

Меньше всего Орех рассчитывал на столь серьезную поддержку. В голове у него мелькнула мысль, что хотя Шишак пригодится, конечно, в трудную минуту, но ладить с ним нелегко. И уж точно, старый гвардеец не будет за просто так выполнять то, что ему скажет — хоть и не прикажет — какой-то задворник. «Да какое мне дело, гвардеец он или нет, — подумал Орех. — Если мы уйдем вместе, я никому не позволю своевольничать. А может, и идти не стоит?» Но вслух сказал только:

— Отлично. Мы тебе рады.

Он оглядел остальных. Те не сводили глаз с него и Шишака. Первым нарушил молчание Черничка:

— Наверное, я тоже пойду. Я еще не совсем понял, из-за тебя это, Пятик, или нет. Но так или иначе, нас в городке стало слишком много, и тем, кто не в аусле, приятного в этом мало. Смешно! Ты боишься оставаться, а я боюсь идти. Лисы здесь, ласки там, а посредине Пятик... и ни минуты покоя!

Черничка сорвал привядший листок и принялся медленно жевать, изо всех сил пытаюсь скрыть охватившую его тревогу, потому что весь прошлый опыт говорил об опасностях, подстерегающих кроликов в неизведанных землях за пределами городка.

— Если мы Пятику верим, — начал Орех, — значит считаем, что уходить надо всем. Так что с этой минуты и до отхода каждый должен уговорить как можно больше наших.

— Думаю, я побеседую кое с кем из ауслы, — отозвался Шишак. — Если удастся кого-нибудь убедить, вечером приведу с собой. Но за Пятиком никто не пойдет. Никто не захочет потерять звание гвардейца из-за задворника, да и я не захотел бы. Чтобы ему поверить, надо услышать его собственными ушами. Как я. Я-то понимаю, что ему было что-то вроде послания, и я этим штукаам верю. Не понимаю, почему не поверил Треарах.

— Потому что Треарах не любит, когда что-нибудь приходит в голову не ему, — ответил Орех. — А второй раз к нему не пойдешь. Попробуем собрать как можно больше кроликов и встретимся, когда наступит фа-Инлэ. Тогда же и тронемся. Времени в обрез. Беда — какой бы она ни была — всё ближе с каждой минутой. И вот что, Шишак: Треараху вряд ли понравятся разговоры с гвардейцами. Капитану Падубу, думаю, тоже. Они, конечно, не станут возражать, если задворники вроде нас уберутся отсюда подальше, но тебя они вряд ли захотят потерять. На твоём месте я хорошенько подумал бы, с кем там говорить.

## 4 Уход

Кипя отвагой, младший Фортинбрас  
Набрал себе с норвежских побережий  
Ватагу беззаконных удалцов  
За корм и харч для некоего дела,  
Где нужен зуб...

*У. Шекспир. Гамлет, принц Датский.*

*Перевод М. Лозинского*

Фа-Инле на языке кроликов означает «после восхода луны». Кролики, конечно, понятия не имеют ни о точном времени, ни вообще о точности. В этом отношении они очень похожи на первобытных людей, которым, чтобы только собраться, требовалось несколько дней, а потом еще несколько дней, чтобы приступить к делу, ради которого они собрались. В те времена людям, чтобы действовать сообща, нужно было некое чувство наподобие теленатии — теленатическая волна словно захватывала их и несла к назначенной минуте. Те, кому доводилось видеть в сентябре ласточек и стрижей — как они собираются на телеграфных проводах, щебечут, как описывают круги, то в одиночку, то небольшими группками, над голыми, убранными полями, возвращаются, чтобы сделать потом круг побольше, потом еще и еще, над пожелтевшими изгородями вдоль улочек, — все эти сотни разрозненных птичек, которые, мельтеша, со все возрастающим нетерпением собираются в стаи, не соблюдая никакого порядка, сливаются в одну огромную шевелящуюся массу, плотную посередине, редкую по краям, и эта масса постоянно меняется, перестраивается, как тучи или волны, и так до тех пор, пока все (но отнюдь не каждый) не почувствуют, что пора, и тогда они сни-



мутся с места и начнется еще один гигантский перелет на юг — перелет, который переживут не все; те, кому приходилось наблюдать, как поднимается эта волна, захватывающая всех, кто в первую очередь осознает себя лишь частью целого и только потом — во вторую очередь — личностью; те, кому приходилось наблюдать, как эта волна поднимает, захватывает всех, не нуждаясь ни в сознательной мысли, ни в сознательной воле, могут сказать, что видели деяние ангела, который погнал в Антиохию первых крестоносцев и гонит в море леммингов.

После восхода луны прошло не меньше часа, но оставалось еще довольно много времени до полуночи, когда Пятик с Орехом снова выбрались из норы под кустами куманики и поскакали тихонько по дну канавы. С ними бежал еще один приятель Пятика — Хлао, или Плошка. («Хлао» на кроличьем языке означает любое углубление, где может скапливаться влага, например чашечка в листьях одуванчика или чертополоха.) Плошка тоже был маленький, невероятно робкий, и большую часть своего последнего вечера в городке Орех с Пятиком потратили, уговаривая его отправиться с ними в поход. Плошка согласился неохотно. Он страшно боялся опасностей, поджидавших их за пределами городка, но потом решил, что главное — держаться поближе к Ореху и точно выполнять все его команды, а там, глядишь, и будет что-нибудь хорошее.

Не успели беглецы выбраться из канавы, как Орех уловил наверху какое-то движение. Он быстро выглянул.

— Кто здесь? — крикнул он. — Одуванчик?

— Нет, это я, Дубок, — ответил кролик, глядя на них сверху вниз, и спрыгнул, тяжело опустившись на лапы. — Ты меня забыл, Орех? В прошлом году мы с тобой жили в одной норе во время первого снега. Одуванчик сказал, вы сегодня уходите. Если это правда, возьмите и меня.

Орех сразу вспомнил Дубка, медлительного тугодума, и те пять дней, проведенные под землей, когда

снегом замело норы, показались ему ужасно тоскливыми. «Но, — подумал он, — нечего воротить носом да выбирать. Даже если Шишак и сумеет уговорить парочку гвардейцев, все равно аусла за нами не пойдет. Согласятся только задворники, которым терять нечего». Орех перебирал в памяти знакомые лица, и тут появился Одуванчик.

— По-моему, чем скорее мы двинемся, тем лучше, — заявил он. — Не очень мне все это нравится. Едва я успел уговорить Дубка и собирался подойти еще кое к кому, как увидел, что за мной по тропинке бежит Ленок. «Ну-ка, говори, что тебе тут надо», — сказал он, а когда я объяснил, что просто пытаюсь выяснить, не хочет ли кто пойти с нами, он, по-моему, не поверил. Он хотел точно знать, не пытаюсь ли я устроить какой-нибудь заговор против Треараха, а мой ответ только его рассердил. По правде говоря, я так испугался, что уговорил одного Дубка, и на этом все.

— Я тебя не виню, — сказал Орех. — Даже странно, не похоже на Ленка. Обычно он сначала ударит, а потом приступает к расспросам. И все-таки подождем немного. Вот-вот подойдет Черничка.

Время шло. Кролики, съезжившись, ждали молча, лунные тени ползли по траве к северу. Наконец, когда Орех уже хотел сам бежать вниз к жилищу Чернички, он увидел, что тот вышел из норы, а за ним следом идут еще трое. Первого, Алтейку, Орех хорошо знал. И обрадовался ему, потому что это был крепкий, выносливый кролик, и все считали, что, как только он наберет взрослый вес, его сразу же примут в ауслу.

«Что ж, ему, видно, не терпится, — подумал Орех, — или старшие потрепали, а он и обиделся. Впрочем, нам это только на руку. С ним да с Шишаком, по крайней мере, не страшно ввязаться в драку».

Двоих других спутников Орех не знал. Когда Черничка представил ему кроликов, их имена — Плющик и Желудь — ничего Ореху не сказали. Но он и не удивился, потому что это были обыкновенные задворники, тощие полугодки, по недоверчивому и напря-



женному взгляду которых было сразу видно, что кто-то, а они знают только тонкий конец розги. Новички с любопытством смотрели на Пятика. По рассказам Чернички они решили, будто Пятик только и делает, что в поэтическом вдохновении предсказывает судьбу. А на вид он оказался поспокойней и понормальней других, потому что был уверен в походе.

Время едва ползло. Черничка выбрался наверх в заросли папоротника, потом вернулся к краю канавы, нервно подрагивая, пугаясь собственной тени. Орех с Пятиком сидели в канаве и лениво пощипывали темную траву. Наконец Орех услышал то, чего дожидался: от леса в их сторону мчался кролик или даже, может быть, двое.

Не прошло и минуты, как Шишак уже спрыгнул в канаву. А следом за ним — здоровенный проворный парень, которому только-только исполнился год. Его хорошо знал весь городок, потому что шерсть у него была светло-серая с белесыми пятнами, на которых теперь, когда он, молча почесываясь, уселся рядом с товарищем, заиграл лунный свет. Его звали Серебряный, он был племянником Треараха и уже месяц как служил в аусле.

Орех невольно почувствовал облегчение оттого, что Шишак привел только Серебряного, спокойного, прямодушного, еще не освоившегося в гвардии. Когда Шишак сказал, что, может быть, приведет гвардейцев, Орех занервничал. Опасности, подстерегающие кроликов за пределами городка, существовали пока лишь в воображении, и Орех не думал, что настанет час, когда понадобятся хорошие бойцы. Хотя, если Пятик прав и на городок надвигается неминуемая беда, тогда, конечно, нужно радоваться любому, кто решит уйти с ними. С другой стороны, незачем лезть из шкуры вон, чтобы связываться с кем-нибудь вроде Ленка.

«Когда мы найдем новое место, — размышлял Орех, — там должно быть хорошо всем, и Пятику, и Плошке, и я не допущу, чтобы кто-нибудь садился им на шею и вообще вертел как хотел, по крайней мере

до тех пор, пока они не научатся удирать от элилей, чтобы у них была возможность хотя бы сбежать от обидчика. Но захочет ли этого Шишак?»

— Ты ведь знаком с Серебряным? — прервал вопросом его размышления Шишак. — Видишь ли, молодежь устроила ему в аусле сладкую жизнь. Дразнят за цвет шкуры и все уши, знаешь ли, прожужжали, будто бы он получил разрешение служить в гвардии только благодаря Треараху. Сначала я, правда, хотел поговорить не только с ним, но потом решил, что другим и здесь неплохо. — Шишак посмотрел на Ореха. — А ведь нас тут не слишком много, а? Может, плюнем на всю эту затею?

Серебряный хотел что-то сказать, но в густых зарослях наверху послышался топот, и из лесу к краю канавы подбежали еще три кролика. Двигались они уверенно и открыто, ничего не боясь и не прячась, совсем не так, как собравшиеся в канаве. Самый рослый бежал впереди, а двое других двигались за ним, как в строю. Орех, смекнув, что эти бегут сюда не затем, чтобы к ним присоединиться, напрягся и выпрямился. Пятик шепнул ему на ухо:

— Орех, они пришли, чтобы... — Но тотчас замолк.

Шишак развернулся и задвигал носом, не сводя глаз с пришедших. Все трое направились прямо к нему.

— Ты Тлайли? — спросил главный.

— Ты прекрасно знаешь, кто я, — откликнулся Шишак, — да и я тебя знаю, Падуб. Что тебе нужно?

— Ты арестован.

— Арестован? С какой стати? За что?

— За попытку раскола ауслы и за подстрекательство к мятежу. Ты, Серебряный, тоже арестован. Ты не доложил Ленку о беглецах и самовольно покинул пост. Оба за мной!

Шишак бросился на капитана, царапая его и пиная. Падуб не остался в долгу. Оба его спутника под-

ступили к ним, примериваясь, как лучше вступить в драку, чтобы свалить Шишак. Неожиданно сверху, с края канавы, вниз головой в свалку ринулся Алтайка, с лету ударом задних лап опрокинул одного гвардейца и тотчас сцепился с другим. Через секунду за ним прыгнул Одуванчик и приземлился точно на кролика, которого сбил Алтайка. Оба гвардейца выкарабкались из канавы, минутку поозирались и припустили назад к лесу. Падуб попытался освободиться от Шишака, отпихиваясь всеми четырьмя лапами и рыча, как рычат все сердитые кролики. Он хотел что-то сказать, но тут перед ним встал Орех.

— Уходи, — велел Орех спокойно и твердо, — или мы убьем тебя.

— Ты понимаешь, что говоришь? — поинтересовался Падуб. — Я капитан ауслы. И ты это знаешь.

— Уходи, — повторил Орех, — если не хочешь, чтобы тебя убили.

— Это тебя убьют, — ответил Падуб.

Не говоря больше ни слова, он вспрыгнул на край канавы и исчез в лесу.

У Одуванчика на плече была кровь. Пару минут он зализывал рану, а потом повернулся к Ореху.

— Орех, ты же знаешь, они скоро вернуться, — сказал он. — Они приведут всю ауслу, и тогда мы влипли.

— Пора уходить, немедленно, — произнес Пятик.

— Да, самое время, — отозвался Орех. — Пошли вниз, к ручью. А потом по берегу, легче будет держаться вместе.

— Если ты слушаешь моего совета... — начал Шишак.

— Если мы задержимся здесь хоть немного, то мне уже ничьи советы не понадобятся, — огрызнулся Орех.

Пристроившись впереди Пятика, Орех выбрался из канавы и повел свой отряд вниз по склону. Не прошло и минуты, как маленькая компания исчезла из виду.

## 5

# В лесу

Молодым кроликам... если они хотят выжить, приходится все время двигаться. На воле дикие кролики иногда пробегают целые мили... в поисках подходящего места.

*Р. М. Локли. Частная жизнь кролика*

Луна уже клонилась к западу, когда беглецы добрались до конца поля и там вошли в лес. По полю они, держась ручья, пробежали не меньше полумили, то отставая, то нагоняя друг друга и стараясь не теряться. Орех понимал, что отошли они от городка дальше любого кролика, но пока не чувствовал, что они в безопасности, и потому, в очередной раз услышав шорох, решил, что это погоня, но тут он заметил там, куда поворачивал ручей, темную массу деревьев.

Кролики не любят густого леса, так как земля там сырая, почти нет травы, мало солнца, а в подлеске часто прячется враг. Но Орех не испугался леса. «Зато, — подумал он, — Падуб дважды подумает, прежде чем продолжать преследование в лесу. А бежать по берегу, может быть, даже безопасней, чем по полю, где можно попасться на глаза врагу, можно заблудиться и выйти назад к городку». И, не посоветовавшись с Шишаком, он решил войти в лес, надеясь, что остальные пойдут за ним.

«Если мы не наткнемся на неприятности, если ручей выведет нас из леса, — размышлял Орех, — тогда мы уж точно избавимся от ауслы, и можно будет отдохнуть. Нам-то, сильным, все нипочем, а вот Пятик и Плошка едва живы».

Как только они вошли в лес, их окружили звуки и запахи. Пахло мхом и сырыми листьями, слыша-



лись шум и плеск воды. Дальше в лесу была устроена заводь, куда маленьким водопадом вливался ручей, и шум этот отдавался эхом среди густых крон, будто в пещере. Над головой шелестели в ветвях сонные птицы, ночной ветерок теребил листву, на земле валялись сломанные мертвые ветки. Вдалеке раздавались непонятные и зловещие звуки, словно там кто-то ходил.

Кролики боятся всего незнакомого. А встретившись с ним, пугаются и удирают. Вот и наши приятели перепугались чуть не до потери сознания. Но куда им было удирать в чужом лесу, если они не знали даже, что все эти звуки значат?

Маленькая компания сбилась в кучку да так и двигалась вперед, стараясь не рассыпаться. Вскоре беглецы потеряли из виду ручей и заскакали дальше по залитым лунным светом полянкам, то и дело замирая, вслушиваясь и вглядываясь в темноту. Луна опустилась еще ниже, и косые лучи, пробиваясь между деревьями, казались им желтей и ярче, чем в поле.

Остановившись под падубом, на высокой куче опавших листьев, Орех посмотрел на узкую тропинку, где по обе стороны темнели папоротник и молодой кипрей. Легкий ветерок едва теребил листья папоротников, а тропинка была на редкость чистой, только под дубом темнела россыпь старых, прошлогодних желудей. Что там дальше, за его темными листьями? Что за поворотом? Что будет с кроликом, который все же выйдет из укрытия и побежит по тропинке? Орех повернулся к Одуванчику, который сидел у него за спиной.

— Подожди лучше здесь, — сказал он. — Я добегу до поворота и, если все в порядке, топну. А если со мной что-нибудь случится, ты поведешь остальных.

Не дожидаясь ответа, Орех выбежал на открытую тропинку. И через несколько секунд уже был под дубом. Он немного подождал, осмотрелся и поскакал к повороту. И в меркнущих лучах лунного света увидел, что тропинка, уходившая в глубокую тень небольшой

# Оглавление

Благодарности .....	8
Замечания .....	9

## Часть первая ПУТЕШЕСТВИЕ

1. Доска с объявлением .....	15
2. Старшина .....	21
3. Орех принимает решение .....	27
4. Уход .....	31
5. В лесу .....	37
6. Сказка про то, как Фрит благословил Эль-Ахрайраха .....	42
7. Лендри и река .....	46
8. Переправа .....	50
9. Ворона и бобовое поле .....	57
10. Дорога и пустошь .....	63
11. Трудный путь .....	73
12. Незнакомец в поле .....	78
13. Гостеприимство .....	92
14. Как деревья в ноябре .....	102
15. Сказка о королевском салате .....	118
16. Дубравка .....	126
17. Блестящая проволока .....	132

## Часть вторая НА УОТЕРШИПСКОМ ХОЛМЕ

18. Уотершипский холм .....	149
19. Страшная ночь .....	158
20. «Улей» и мышь .....	170
21. Плачь, Эль-Ахрайрах .....	182
22. Сказка про испытание Эль-Ахрайраха .....	194

23. Кехаар . . . . .	213
24. Ферма «Орешник» . . . . .	233
25. Налет . . . . .	242
26. Сон Пятика . . . . .	264
27. Кто не был там, тот не поймет . . . . .	269
28. У подножия холма . . . . .	283
29. Встреча и проводы . . . . .	293

Часть третья  
ЭФРАФА

30. Снова в путь . . . . .	303
31. Сказка про Эль-Ахрайраха и Черного Кролика Инле . . . . .	311
32. За железной дорогой . . . . .	328
33. Большая река . . . . .	337
34. Генерал Дурман . . . . .	352
35. На ощупь . . . . .	363
36. Приближение грозы . . . . .	383
37. Гроза собирается . . . . .	389
38. Гроза . . . . .	401

Часть четвертая  
ОРЕХ-РАХ

39. Мосты . . . . .	421
40. Дорога домой . . . . .	435
41. Сказка про Забияку Гав-Гавыча и фею Тяф-Тяф . . . . .	450
42. Вечерние новости . . . . .	465
43. Большой патруль . . . . .	473
44. Послание Эль-Ахрайраха . . . . .	481
45. И снова ферма «Орешник» . . . . .	490
46. Шишак стоит насмерть . . . . .	496
47. Гнев небесный . . . . .	505
48. Deus ex machina . . . . .	516
49. Орех возвращается домой . . . . .	522
50. Самая последняя глава . . . . .	527
Эпилог . . . . .	536
Лапинь. <i>Словарь кроличьего языка</i> . . . . .	539